Александра Коллонтай

Парижъ.

Паденіе китайской стѣны.

Китайская революція разразилась, какъ громъ среди яснаго неба, для всѣхъ тѣхъ, кто слѣдилъ внимательно за внутренней жизнью Срединной Имперіи, а между тѣмъ это грандіозное историческое движеніе, которое можетъ быть остановлено, но не подавлено, развивалось непрерывно съ какой то фатальной силой. Напомню, что уже въ прошломъ году въ статьѣ, напечатанной въ шестой книжкѣ „Возрожденія", авторъ этихъ строкъ писалъ слѣдующее:

стамъ и лишь робко и нерѣшительно вмѣшивались въ движеніе. По столь существенному вопросу до сихъ поръ не установлены точныя требованія, не выработана опредѣленная тактика. Синдикалисты, разумѣется, ограничивали свою борьбу наивно-поверхностными мѣрами, сводя все движеніе къ непосредственному воздѣйствію на мелкихъ торговцевъ и перекупщиковъ; такимъ путемъ они могли, пожалуй, урѣзать долю прибыли этихъ послѣднихъ, и то лишь до извѣстныхъ, весьма ограниченныхъ предѣловъ, но, разумѣется, совершенно не измѣняли существа дѣла. Соціалисты же сводили свои требованія главнымъ образомъ къ вопросу о „замороженномъ мясѣ". Правда, говорилось и объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ, объ отмѣнѣ заставъ, удешевленіи перевозки продуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ и т. д.; но тутъ, особенно по вопросу о таможенныхъ ставкахъ, соціалисты проявили непростительную „осторожность". Какъ будто интересы той части населенія—французскаго крестьянства,—что сочувствуетъ партіи рабочаго класса и поддерживаетъ ея кандидатовъ на выборахъ, связывали руки и мѣшали отчетливо, безкомпромиссно выставлять свои требованія въ борьбѣ съ дороговизной... Не менѣе существенною являлась и другая возможность—использовать создавшееся положеніе въ цѣляхъ обще-соціалистической пропаганды, показать несознательнымъ массамъ на наглядномъ примѣрѣ, что всѣ даже самыя крайнія практическія мѣропріятія, вплоть до отмѣны пошлинъ и всякихъ таможенныхъ преградъ, хотя, правда и могутъ нѣсколько ослабить процессъ вздорожанія, пріостановить его ускоренный темпъ, но все же не въ силахъ будутъ уничтожить самаго процесса, вызваннаго въ жизнь существующими мiровыми капиталистическими отношеніями... Бороться съ дороговизной—значитъ бороться съ основами частно-владѣльческаго, капиталистическаго хозяйства, значитъ добиваться торжества основныхъ принциповъ рабочаго класса... Эти неоспоримыя положенія могли бы лечь въ основу широкой и планомѣрной работы французскихъ соціалистовъ среди еще не затронутой организаціей массы и явились бы средствомъ втянуть, наконецъ, въ ряды рабочей партіи далекія отъ нея и инертныя женскія силы...

Движеніе менажерокъ еще не утихло и не погасло; оно снова и снова вспыхиваетъ то тутъ, то тамъ. Остается надѣяться, что французскіе соціалисты учтутъ, наконецъ, всю существенность и важность своего вмѣшательства и сумѣютъ направить это безформенное, слѣпое, стихійное движеніе въ надежное русло обще-рабочей, соціалистической политики.

Александра Коллонтай

Парижъ.

Паденіе китайской стѣны.

Китайская революція разразилась, какъ громъ среди яснаго неба, для всѣхъ тѣхъ, кто слѣдилъ внимательно за внутренней жизнью Срединной Имперіи, а между тѣмъ это грандіозное историческое движеніе, которое можетъ быть остановлено, но не подавлено, развивалось непрерывно съ какой то фатальной силой. Напомню, что уже въ прошломъ году въ статьѣ, напечатанной въ шестой книжкѣ „Возрожденія", авторъ этихъ строкъ писалъ слѣдующее:

„Значительная часть европейской печати съ той же недальновидностью, близорукостью и скептицизмомъ, какіе она проявила при анализѣ персидскаго и младо-турецкаго освободительнаго движенія по крайней мѣрѣ до взятія Тегерана бахтіарами и сверженія Абдулъ-Гамида, не дооцѣниваетъ всей глубины и возможности того великаго духовнаго процесса, какой переживаетъ населеніе 400 милліонной страны... Въ настоящее время революціонное движеніе въ Китаѣ разростается. Во многихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ провинціяхъ, прилегающихъ къ Индо-Китаю, революціонныя войска фактически держатъ цѣлыя области въ своихъ рукахъ, владѣютъ крѣпостями, отнятыми у правительства. Но въ послѣднее время, среди китайскихъ революціонеровъ назрѣваетъ мысль о необходимости болѣе рѣшительныхъ методовъ борьбы. Всѣ эти успѣхи и побѣды въ отдаленныхъ провинціяхъ Имперіи не оказываютъ никакого вліянія на общій ходъ событій въ государствѣ. Въ виду этого революціонеры начинаютъ направлять всю свою энергію къ центру имперіи, Пекину, твердынѣ бюрократіи... „Если судить по нѣкоторымъ симптомамъ и вѣрить нѣкоторымъ частнымъ заявленіямъ—въ недалекомъ будущемъ можно ждать какого-нибудь рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи".

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ были написаны эти строки, главнокомандующій революціонными войсками генералъ Сіоа-Ченг-Сіангъ обратился съ слѣдующей прокламаціей къ посольствамъ всѣхъ европейскихъ державъ въ Пекинѣ:

„Сіао-Ченг-Сіангъ, генералиссимусъ революціонной арміи трехъ Кіанговъ (Кіанг-си, Кіанг-су, Кіанг-хой) его Сіятельству министру... въ Пекинѣ.

„Вотъ уже болѣе 200 лѣтъ, какъ Ай-Сіен-Джо-Ло *) утвердились въ нашей странѣ, угнетая на виду у всѣхъ народныя массы. И съ той поры, какъ бы само небо возстало противъ насъ; страшныя наводненія идутъ за засухой, голодъ и ужасъ царятъ повсюду.

„Если бы Ай-Сіен-Джо-Ло любили нашъ народъ, могли бы они остаться равнодушными передъ зрѣлищемъ всѣхъ этихъ ужасовъ и горя? И можетъ ли нашъ народъ, не протестуя, переносить всѣ эти незаслуженныя бѣдствія?

„Я, главнокомандующій революціонными войсками, въ теченіе десяти лѣтъ приходилъ не разъ въ отчаяніе при видѣ общаго горя и несчастья. И не былъ ли бы я преступникомъ, если бы въ мѣру моихъ силъ не старался вернуть свободу моимъ братьямъ. Для достиженія этой цѣли есть только одинъ путь: взять оружіе въ руки и идти въ бой противъ династіи.

„Я уже опредѣлилъ дату, когда я начну войну: нужно, чтобы кто нибудь изъ насъ, я или династія исчезли изъ поднебесной территоріи.

„Но я боюсь, что въ той бурѣ, которая разразится скоро, будетъ трудно отличить добрыхъ отъ злыхъ. Что касается вашихъ соотечественниковъ, господинъ посланникъ, я отношусь къ нимъ, какъ къ роднымъ дѣтямъ, однако, пусть они не пытаются нанесть какой либо ущербъ моимъ войскамъ. Я не откажусь исполнить свой долгъ, обязывающій меня защищать всѣхъ иностранцевъ, но если они будутъ внимать наущеніямъ династіи, поступятъ на службу къ Ай-Сіен-Джо-Ло, то какова бы ни было мое желаніе относиться къ нимъ, какъ къ подданнымъ

*) Фамилія Манджурской династіи.

дружественной страны, я не могу ручаться, что мои войска будутъ раздѣлять мои чувства.

„Прошу васъ, господинъ посланникъ, сдѣлать надлежащее предостереженіе вашимъ соотечественникамъ.

„Примите и т. д...

„Сопровождаю при семъ воспроизведеніе эмблемы моихъ армій. Отнынѣ эта эмблема будетъ служить вмѣсто удостовѣрительной печати въ моей корреспонденціи".

Эта прокламація, составленная въ нѣсколько витіеватомъ, напыщенномъ восточномъ стилѣ, отнюдь не представляла простую браваду. Генералиссимуссъ говорилъ тономъ, какой соотвѣтствовалъ всей его психологіи, сознанію высокой миссіи, которую онъ взялъ на себя по порученію доктора Суэн-и-Сіена и съ одобренія всей многотысячной революціонной арміи. Въ свою очередь докторъ Суэн-и-Сіень въ своихъ прокламаціяхъ къ „своему" генералу держался, какъ президентъ будущей республики, какъ диктаторъ, избранникъ божій, которому поручено самимъ разгнѣваннымъ небомъ освободить, наконецъ, 400 милліонную, истерзанную страну отъ высасывающей народную кровь династіи. И у тысячъ солдатъ южной революціонной арміи, у сотенъ тысячъ и милліоновъ порабощенныхъ китайцевъ остальной имперіи загорались глаза при чтеніи этихъ наивныхъ прокламацій, крѣпла неумирающая вѣра въ неизбѣжное торжество дѣла, въ побѣду народной арміи, во главѣ которой стояли генералы, умѣющіе говорить такимъ языкомъ съ представителями великихъ державъ. И генеральный штабъ южной революціонной арміи дѣйствительно собирался уже въ 1910 г. начать снова въ грандіозномъ масштабѣ кампанію противъ центральнаго правительства. Но международное положеніе было крайне неблагопріятнымъ для торжества освободительнаго движенія въ Срединной Имперіи, ибо у европейскихъ государствъ, особенно у Франціи, имѣющей такую важную стратегическую базу для дѣйствій противъ южныхъ революціонныхъ армій, какъ Индо-Китай, руки были свободны. Вотъ почему болѣе трезвые революціонеры совѣтовали погодить и выждать болѣе удобнаго момента. Въ концѣ концовъ дипломаты отъ революціи взяли верхъ надъ революціонными генералами, и начало военной кампаніи было отложено на время. А когда Франція двинула свои войска на Фецъ, когда вслѣдъ затѣмъ раздался „coup d'Agadir" и во всей Европѣ запахло порохомъ, между китайскими революціонерами, проживающими въ Парижѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Сенъ-Франциско, и ихъ соотечественниками на родинѣ закипѣла лихорадочная переписка, нѣсколько выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія покинули Европу и Америку и поспѣшили домой на театръ надвигающихся военныхъ дѣйствій. И достаточно было перваго выстрѣла, раздававшагося съ итальянскаго броненосца по адресу маленькой турецкой миноноски, чтобы на разстояніи тысячъ километровъ отъ албанской Превезы, тамъ гдѣ то на югѣ Срединной Имперіи, по ту сторону легендарной китайской стѣны встали изъ земли желтые баталіоны, и начали походъ противъ стараго режима и ненавистной династіи Ай-Сіенъ-Джо-Ло, въ побѣдномъ шествіи захватывая въ свои руки цѣлые города и провинціи, овладѣвая арсеналами съ сотнями тысячъ ружей и боевыхъ патроновъ и подымая все выше и выше на остріяхъ штыковъ свѣтлое знамя великой китайской республики. Да, новый Китай не имѣетъ ничего общаго съ старымъ Китаемъ эпохи боксерскаго возстанія, когда народная ненависть проявлялась порой въ самыхъ дикихъ формахъ по отношенію къ отдѣльнымъ иностранцамъ, этимъ дьяволамъ, накликавшимъ на страну столько бѣдствій; наоборотъ, нынѣш-

ніе дѣятели революціоннаго движенія относятся съ величайшей бережностью къ иностранцамъ, строго охраняя ихъ личную и имущественную безопасность, но все же новый Китай знаетъ и видитъ, съ какимъ недовѣріемъ, съ какой неприязнью относится правящая Европа къ пробуждающемуся 400 милліонному народу, который не позволитъ ни русскимъ, ни французамъ, ни нѣмецкимъ насильникамъ продолжать захватную политику на территоріи Срединной Имперіи. И достаточно было бы прочесть хотя бы нѣсколько статей, появившихся въ этомъ году во французской колоніальной прессѣ на тему: „Китайская опасность въ Индо-Китаѣ", „Китайская смута", „Разложеніе Китая", „Китайскіе разбойники" и т. д., чтобы, не будучи даже ознакомленнымъ съ дѣйствіями Франціи на границахъ Индо-Китая, видѣть съ какимъ недоброжелательствомъ относится наиболѣе передовая европейская страна къ пробужденію „спящаго дракона". Что же говорить о другихъ странахъ? Вотъ почему китайскимъ революціонерамъ нужно было торопиться съ военными дѣйствіями противъ старыхъ порядковъ и не откладывать дѣла въ долгій ящикъ.

Если европейскія правительства нынѣ съ такой поспѣшностью бросились на черный континентъ и дѣлятъ его по частямъ, при чемъ Франція присоединяетъ къ своей территоріи одну часть Марокко, Испанія другую, Германія—Конго, Соед. Штаты—республику Либерію, (подъ видомъ финансоваго контроля), Италія—Триполи путемъ военной оккупаціи и т. д., эта захватная горячка находится не въ малой связи съ возрожденіемъ Турціи и пробужденіемъ мусульманскаго населенія африканскихъ территорій. Господствующіе классы не могутъ не видѣть, какъ могущественно турецкая революція отразилась не только на пробужденіи мусульманскаго населенія Алжира, Марокко, Туниса, Триполи, но даже въ глубинѣ Африки, гдѣ-нибудь въ Борку и Тибести. Стало быть, нужно торопиться, иначе будетъ поздно, и та же задача встрѣтитъ на своемъ пути непреодолимыя трудности. А когда будутъ подѣлены Триполи и Марокко, Французское Конго и т. д., тогда, пожалуй, дойдетъ очередь до африканскихъ колоній небольшихъ европейскихъ государствъ Бельгіи, Португаліи и т. д. А затѣмъ ненасытные австро-германскіе, англо-русскіе и т. д. хищники начнутъ помышлять объ окончательномъ раздѣлѣ Персіи, Оттоманской Имперіи, Абиссиніи, и, въ особенности, наиболѣе заманчивой добычи, безграничной китайской Имперіи. И кто знаетъ, на какую жертву упадетъ первый жребій.

Итакъ, нечего медлить и нужно готовиться къ оборонѣ. И всѣ наши симпатіи должны быть на сторонѣ китайскихъ революціонеровъ. Я показалъ уже въ упомянутой выше статьѣ („Возрожденіе", 16 апрѣля 1910 г.), какой характеръ носитъ программа китайскихъ революціонеровъ и выяснилъ, что они стремятся не только къ политическимъ, но и къ великимъ соціальнымъ реформамъ. Пусть будетъ, что китайскіе революціонеры увлекаются нѣкоторыми несбыточными и вредными утопіями, жизнь исправитъ всѣ ихъ заблужденія и ошибки, и торжество великаго движенія, свидѣтелями котораго являемся мы, послужитъ началомъ грандіознаго, нежданнаго перелома въ жизни 400 милліонной страны. Трудно предсказать, кто явится побѣдителемъ въ битвѣ, которую революціонная армія даетъ спѣшащимъ ей на встрѣчу реорганизованнымъ, европейски обученнымъ войскамъ богдыхана, предводительствуемымъ человѣкомъ такихъ выдающихся способностей и такой желѣзной энергіи, какимъ является Ю-ан-Ши-Кай. Вѣрно лишь одно. Когда распадался Римъ цезарей подъ двойнымъ напоромъ варваровъ извнѣ и собственнаго разложенія внутри, въ агоніи римскаго прави-

тельства были счастливыя каталаунскія битвы, были даже энергичные и талантливые полководцы въ родѣ Аэція, какъ нынѣ въ Китаѣ—Юань-Ши-Кай. Но подъ ударами новыхъ силъ старый Римъ продолжалъ умирать, дряхлю раскинувшись на своихъ семи холмахъ. Умираетъ и старый Китай. Новый строй идетъ ему на смѣну.

Пожелаемъ, чтобы европейскій пролетаріатъ въ минуту международныхъ осложненій оказался на высотѣ положенія и могъ въ недалекомъ будущемъ оказать реальную поддержку такимъ странамъ, какъ Китай, Турція и т. д. въ случаѣ аттаки европейскими державами. Пока же, въ связи съ современными событіями, нельзя не видѣть, что соціалистическое міросозерцаніе, цѣльное когда то какъ крѣпкая гранитная глыба, переживаетъ эпоху глубокаго кризиса. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ соціалистовъ бернштейніанскаго толка съ ихъ пагубными теоріями о колоніальной политикѣ, какъ необходимомъ, оправдываемомъ законными интересами самого пролетаріата, средствѣ открывать новые рынки для національной промышленности, внѣ развитія которой не можетъ быть сильнаго рабочаго движенія, съ другой подъ вліяніемъ анархистовъ *), съ непрестанной повседневной болтовней о саботажѣ, о всеобщей забастовкѣ, вооруженномъ возстаніи и т. д., убивающихъ въ народныхъ массахъ способность реагировать на призывы къ солидарному выступленію и активныхъ дѣйствіяхъ въ тотъ моментъ, когда послѣднія дѣйствительно необходимы, какъ напримѣръ, теперь въ Италіи,—цѣлые слои городского пролетаріата оказываются преждевременно выбитыми изъ строя и неспособными къ самой мирной, но болѣе или менѣе внушительной демонстраціи противъ правительства, безъ всякаго повода среди бѣлаго дня аттакующаго сосѣднюю страну.—Вотъ почему беспощадная борьба съ бернштейніанствомъ съ одной стороны, съ анархистской теоріей и практикой съ другой, должна быть святой обязанностью всякаго, кто желаетъ, чтобы международный пролетаріатъ возможно скорѣе добился осуществленія того строя, при которомъ какъ отдѣльные индивидуумы, такъ и цѣлыя народности и расы не будутъ подвергаться угнетенію и насилію.

Мих. Павловичъ (Волонтеръ).

Парижъ, 16 октября.

---

*) Мы не говоримъ уже о томъ глубокомъ разложеніи, которое вносятъ въ ряды пролетаріата анархисты послѣдней марки, такъ сказать, нео-анархисты. Послѣ того, какъ главный теоретикъ французскаго анархо-синдикализма Сорель перешелъ въ ряды роялистовъ и сотрудничаетъ въ органѣ, гдѣ доказывается необходимость для Франціи имѣть сильный военный флотъ (L'Independance) а главный практикъ Пато въ ряды антисемитовъ, послѣ цѣлаго ряда весьма нечистоплотныхъ статей въ „La guerre sociale", нечего удивляться, что „Les Hommes du jour" гдѣ работаютъ нѣкоторые редактора газеты Эрве, печатаютъ теперь статью въ защиту хищнической колоніальной политики вообще и итальянскаго разбойничества въ частности на томъ же основаніи, что революціонерамъ какъ и буржуа нужно кушать, а для этого необходимо захватывать новыя территоріи и оплодотворять ихъ европейскимъ капиталомъ. (Sur une guerre. Par E. Faure. Les Hommes Du jour 7 Octob.